

Республика Беларусь – Россия, 21-24 ноября 2022 г. – Нижний Новгород; Москва: ИП Маркин А. О., 2022. – С. 332–339.

3. Памяць : Гарадоц. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў / уклад. С. Садоўская. Мінск, 2004.

4. Быкаў, В. У. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1 Аповесці. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1974. – 498 с.

УДК 304 + 320.1

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОСМЫСЛЕНИИ ВОИНА-ФИЛОСОФА

Семёнова Людмила Николаевна,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Социальное управление»,
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: война, социальный тип войны, коммунизм, западнизм, тоталитаризм.

Реферат. На основе оригинальной социологической теории о социальных системах западнизма и коммунизма А. А. Зиновьев вскрыл социальный тип Великой Отечественной войны как войны всего западного мира против советского коммунизма в качестве эволюционного конкурента западнизму. Данное существенное осмысление является методологической основой для разоблачения концептуальных фальсификаций.

Вот уже 80 лет информационные удары жестко и методично наносятся по Великой Отечественной войне как по линии фактологической фальсификации изменения и сокрытия фактов, так и по линии концептуальной фальсификации искажения смыслов. Результаты этой фальсификации, выполненной в либерально-глобалистском духе, мы видим в многочисленных произведениях «научной», научно-популярной и художественной литературы, живописи, кинематографа, на просторах интернета. Показательно, что в 2020 г. в период «цветной революции» в Беларуси антигосударственные пролиберальные национально-демократические силы, выступавшие под бел-червонно-белой символикой, также обращались к тематике Великой Отечественной войны, устраивая «партизанские» марши,

называя действующий политический режим «фашистским» и т. д.

В условиях когнитивной психоинформационной войны большой ценностью обладают авторские позиции, логично и четко излагающие сущность, оформившие смысл в ясных словесных формулах в духе нашей идеологии. К числу таких авторов несомненно относится выдающийся русский философ, социолог, писатель Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), внесший значительный вклад в методологию социального познания, создавший свою оригинальную авторскую социологию.

Зиновьев не изучал конкретно Вторую мировую и Великую Отечественную войну, однако данные им оценки и характеристики логично следуют из его теории. Более того он сам был фронтовиком, пройдя всю войну от 1941 до 1945 г., служил сначала в кавалерии, танковых войсках и потом после окончания лётной школы – в авиации за штурвалом легендарного штурмовика «Ил-2». Неслучайно мемуары о своем жизненном пути, понимая центральность военных событий в своей конкретной жизни и судьбе всего советского народа он назвал «На коне, танке и штурмовике: записки воина-философа». За исключением первой главы «В деревне» и последней «Хрущевская «коттедель»», все остальные главы как в военном строю предстали в следующем порядке: «Перед войной», «Армия», «Война», «После войны» [4].

Свою роль в изучении войн Зиновьев определил весьма скромно: «Я не специалист в войнологии» [5, с. 339]. Войнологией он назвал науку, в которой профессионально, на научной основе, научными методами изучаются войны. Но при этом отметил, что войны «суть явления в жизнедеятельности социальных объектов, профессионально изучаемые в социологии». Поэтому и социологи, и философы, занимающиеся социальными проблемами, «всегда посягали на осмысление войн». «Так что я как социолог чувствую себя вправе высказаться на тему о войне» [5, с. 340].

Краеугольным камнем в концептуальной фальсификации Великой Отечественной войны выступает созданная на Западе в период холодной войны в 1950-е гг. Зб. Бжезинским, К. Фридрихом и другими теория «двух тоталитаризмов». Появившийся в Италии для описания фашистской общественно-политической системы концепт тоталитаризма они оторвали от итальянской конкретики, наполнили абстрактными политологическими сентенциями, типа монополии государства на насилие, средства вооруженной борьбы, СМИ и сузили до категории политического режима. Классическими примерами тоталитарных политических режимов были объявлены фашистская Германия в качестве правого тоталитаризма, следовавшая правой нацистской расистской идеологии, и сталинский Советский Союз в качестве левого тоталитаризма, провозгласивший левую социалистическую идеологию. Такое приравнивание Германии и СССР открывало перспективы для отделения их от демократических стран, главными из которых

всегда были Великобритания, США, Франция. Вторая мировая война «логично» объявлялась схваткой «двух тоталитаризмов» при «равной ответственности» обоих. Как нельзя «лучше» для обоснования данного тезиса подходил пакт Молотова–Риббентропа о ненападении и разграничении сфер влияния, заключенный 23 августа 1939 г. Польша рассматривалась невинной жертвой, на которую с двух сторон напали два тоталитарных тирана, войска которых встретились в Бресте и якобы провели «торжественный парад». На этой ниве подвизались Резуны (Суворовы), Буниччи и иже с ними со своими версиями о планах СССР первым напасть на Германию и завоевать её («Ледокол» и «День М» В. Суворова, «Операция «Гроза»» И. Буниччи). В духе логики тоталитаризма «доказательным» выглядел тезис о противостоянии советского народа и его правящей сталинской верхушки, задавившей народ репрессиями. Поэтому по одной версии народ в армии не хотел воевать и массово сдавался в плен в 1941 г. и все ожидали народного восстания против сталинского тоталитарного режима с помощью цивилизованных немцев и вермахта. По другой версии в войне победил народ вопреки сталинскому режиму. Победил числом, не уменьшем, по принципу «трупами противника закидали».

До и во время Второй мировой войны Советский Союз не называли тоталитарным. То, что такая характеристика появилась именно в разгар идеологического противостояния холодной войны, говорит о том, что это информационное оружие, умело используемое нашим противником. Но до сих пор тезис о «двух тоталитаризмах» распространен в общественно-политическом дискурсе, кочует по учебникам, СМИ и интернету.

А. А. Зиновьев был не просто противником этого тезиса, реагируя на него и разбирая его минусы. Он превзошел этот тезис концептуально в своей глубокой социологической теории западнизма и коммунизма, не оставляющей от этого тезиса камня на камне. Западнизм и коммунизм изучены им с социологической точки зрения как типы обществ, многомерные и многообразные по своей организационной структуре, в его терминологии социальной комбинаторике. Объединения людей, живущие совместной исторической жизнью, из поколения в поколение воспроизводящие себе подобных, составляющие единый целый организм, вступающий в связи с подобными организмами, Зиновьев назвал человейником. В эволюции человейников в зависимости от степени организации и управления различаются три эволюционных уровня: предобщество, общества и сверхобщество. И западнизм, и коммунизм в своем развитии достигли уровня сверхобществ. Основу человейника составляет клеточная структура. Клеточки разнообразны, удовлетворяя различные потребности людей. Но все их можно разделить на деловые (производящие всё необходимое для жизни), коммунальные (удовлетворяющие социальные потребности в общении и взаимодействии) и смешанные. Клеточки объединяются и встраиваются в сферы более высокого

порядка: государственности, экономики, идеологии, реализующие соответственно глубинные социальные потребности во власти и управлении, хозяйственной деятельности и ментальности, отвечающие за организацию и функционирование человека в качестве единого целого. Соотношение клеточек и сфер, общий узор их комбинаторики в обществах разные. Так в западнисме преобладают деловые клеточки и сфера экономики, пронизанные на всех уровнях деловым расчетом. Кстати для описания внутриклеточной жизни, её организованности, дисциплины и результативности Зиновьев использует концепты демократизма и тоталитаризма, сформулировав закон «постоянства суммы демократизма и тоталитаризма» [2, с. 69]. В деловых клеточках западнисма нет никакой внутриклеточной демократии, они тоталитарны в том числе и с точки зрения деловой диктатуры и денежного тоталитаризма. «Западное общество, – пишет Зиновьев, – будучи демократическим в целом, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках» [2, с. 67]. Доминирующей сферой западнисма, подчиняющей все остальные, является экономика. При коммунизме наоборот, преобладают коммунальные клеточки. По словам Зиновьева, «клеточка коммунистического общества более человечна» [2, с. 72]. Более того даже «деловая клеточка коммунизма пронизана и опутана отношениями коммунальности», тогда как коммунальные клеточки западнисма пронизаны деловым расчетом и духом [2, с. 70]. Доминирующей сферой коммунизма является власть, управление, государственность, идеология. Они создают жесткий всеохватный каркас управления для весьма демократических клеточек. По мнению Зиновьева, употребление термина «тоталитаризм» в отношении коммунистического общества мешает его пониманию. Тоталитаризм есть система насилия, навязываемая населению «сверху» независимо от социальной структуры. Коммунистическая система насилия вырастает из самой социальной структуры населения, то есть «снизу». Она соответствует социальному строю страны [1, с. 49].

Фашизм – это порождение западнисма, фашистская Германия – плоть от плоти западнистское общество, создавшее особые инструменты государственности для решения общественно-политических и военных задач. Более того гитлеровский тоталитаризм был порожден страхом перед коммунистической революцией и возможностью проникновения коммунизма [1, с. 49]. Западнисм и коммунизм, по теории Зиновьева, «возникли как антиподы и, вместе с тем, как конкурирующие варианты эволюции человечества» [3, с. 30]. В этом, по мнению Зиновьева и заключается главная причина Второй мировой и холодной войн.

Первая мировая война шла внутри западного мира по-ленинскому определению за «передел уже поделенного мира», сфер влияния и эксплуатации. Западный мир был социально однороден и не имел эволюционных конкурентов. Российская империя с вступлением на путь капитализма тоже развивалась по западному пути. Однако, в результате Первой мировой войны у западнисма появился конкурент –

русский (советский) коммунизм.

Зиновьев убедительно доказывает, что Россия осуществила прорыв в мировом эволюционном процессе, положив начало новому направлению социальной эволюции, качественно отличному от западного. На этом пути Россия добилась колossalных успехов, нашла решение фундаментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути. Вслед за марксизмом Зиновьев не отрицает, что западнизм, в данном случае более уместен термин «капитализм», может быть сменен на эволюционном векторе коммунизмом, но все-таки он полагает, что капитализм и коммунизм – это две принципиально разные линии развития человечества, имеющие свои собственные корни и источники. По его словам, капитализм вырос из экономических отношений. Коммунизм же вырастает из коммунальных отношений, то есть отношений совсем иного рода. «Линии капитализма и коммунизма лишь соприкасаются и пересекаются в истории, а не образуют отрезки одной линии» [1, с. 21]. Капиталистические экономические отношения, как полагает Зиновьев, лишь приобретают в западных капиталистических странах доминирующее значение, никоим образом не отменяя другие виды отношений, коммунальные отношения. Коммунальные же отношения, став доминирующими при коммунизме, полностью выдавливают отношения капиталистические, не оставляя им никаких шансов.

Вывод Зиновьева однозначен: «Коммунизм есть явление более глубокое, чем капитализм» [1, с. 22]. Неслучайно, опыт коммунистической России стал «заразительным образцом» для многочисленных народов планеты, и особенно для народов самих капиталистических стран. Именно этот фактор стал важнейшим во Второй мировой войне.

Вторую мировую войну Зиновьев охарактеризовал, как смешанную. С одной стороны, как и Первая мировая, это была война внутри западного мира за доминирование. С другой стороны, это была война всего западного мира, западнизма против советского коммунизма как его эволюционного конкурента. В результате войны коммунизм окреп, стал широко распространяться и заявил претензию на мировое господство [5, с. 340].

Второй аспект, согласно Зиновьеву, определяется как социальный тип войны, поскольку характеризуется социальный тип стран, в ней участвующих. Что касается Второй мировой войны, то тут сложилась прочная традиция умолчания относительно её социального характера. Вот здесь и поработала теория «двух тоталитаризмов», приравнивающая главных противников, а не различающая их. Зиновьев подчеркивает, что даже определение «отечественная» никак не характеризует социальный аспект войны. С точки зрения социального типа Вторая мировая война была войной социальной, то есть войной между социальными системами – между капитализмом (западнизмом) и коммунизмом. Причем это не была война одинаково виновных с точки зрения её развязывания партнеров.

Для Зиновьева нет сомнений в том, что инициатива исходила со стороны Запада [4, с. 121].

Социальная война была не просто составной частью Второй мировой войны, а её главной и фундаментальной частью. Она и показала главное достоинство коммунизма – его способность как социального строя «выдерживать трудности и катастрофы эпохального и глобального масштаба». И в годы после революции, в годы Второй мировой войны и в последующие годы после неё он доказал со стопроцентной очевидностью, что он есть социальный строй, как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их [4, с. 121].

А как же быть с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции? Почему они были на стороне страны, чуждого им социального типа? Зиновьев тоже задаётся этим вопросом и отвечает на него следующим образом. Бессспорно, что страны Запада помогли Советскому Союзу, но сделали они это отнюдь не из любви к коммунизму. Сначала они приложили титанические усилия, чтобы укрепить и вооружить гитлеровскую Германию и направить её экспансию на Советский Союз. Стать союзниками СССР их вынудили исторические обстоятельства, ведь в извечной борьбе за доминирование они могли оказаться отброшенными назад молодым хищником, что в их планы не входило. Поэтому они гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей. Их помощь была вынужденной. Советские люди просчитывали это и были уверены, что страны Запада, враждующие с фашистской Германией, рано или поздно присоединятся к СССР. Коммунизм вышел победителем в войне. Инициатива мировой истории перешла к коммунизму. Ранее всегда наступавший и подчинявший всех капитализм перешел к обороне. Проблема реального коммунизма и его исторических перспектив стала главной проблемой современности. «И, – как считает Зиновьев, – никаких иных, более глубоких, «секретов» во Второй мировой войне нет. Всякого рода «новые» её концепции касаются лишь хода войны и её второстепенных событий, а не её сути, или являются лишь новыми формами фальсификации истории» [4, с. 122].

Осмысление социального типа войны помогает развенчать еще одну живучую фальсификацию о героической победе советского народа вопреки советской сталинской системе. Этот прозападный либеральный тезис часто подкрепляется фактом сдачи в плен миллионов советских военнослужащих в самом начале войны. В этом усматривается признак ненависти к советскому строю. Зиновьев полагает, что это мнение абсурдно. В плен сдавались целые подразделения, сдавались не из ненависти к коммунизму, а в силу военной безысходности, ошибок командования, недостатка вооружения и многих других причин, не имеющих ничего общего с отношением людей к социальному строю своей страны, политическому режиму, руководству. Объяснять поступки массы советских

людей, вызванные сиюминутными, обыденными, даже шкурническими соображениями, ненавистью к социальному строю и его идеологии, значит чрезмерно идеализировать их. Зиновьев допускает, что можно не любить советский строй и мужественно сражаться на войне. А можно наоборот, искренне ценить его и при этом быть трусом и предателем. Зиновьев не только не отрицает, но всячески одобряет советскую официальную концепцию войны, которая утверждает, что война была отечественной и освободительной, что советские люди в массе своей были искренними патриотами и поэтому победили. Но при этом вносит существенное дополнение. «Победа в войне была прежде всего победой социального строя страны и лишь во вторую очередь победой патриотизма, героизма и прочих общечеловеческих качеств» [4, с. 123].

Зиновьев убедительно полагает, что мнение, будто советские люди сражались только за Родину, а не за советский социальный строй, абсурдно. За более чем два десятилетия после революции советский социалистический строй для большинства людей стал естественным образом жизни, а не привнесенным сверху политическим режимом. Отделить его от населения уже было практически невозможно. Вольно или невольно, но защищая себя, свою семью, землю, Родину, они защищали советский общественный строй. «Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносителен разгрому самой России. Победа России означала победу коммунизма» [4, с. 123].

Вот так воин-философ А. А. Зиновьев в контексте своей оригинальной теории осмыслил социальную сущность Великой Отечественной войны, раскрыл её глубинные секреты, бескомпромиссно разоблачив главные концептуальные фальсификации наших противников в идеологической войне.

Список используемых источников:

1. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
2. Зиновьев, А. А. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 461 с.
3. Зиновьев, А. Глобальное сверхобщество и Россия / А. Зиновьев. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 128 с.
4. Зиновьев, А. А. На коне, танке и штурмовике: записки воина-философа / А. А. Зиновьев. – М. : Родина, 2018. – 240 с.
5. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев; Ред. О. М. Зиновьева, А. С. Блинов – М. : Издательский дом «Канон-Плюс» имени А. Зиновьева, 2023. – 392 с.